

УДК 347

С.С. ВАБИЩЕВИЧ,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права и процесса,
Государственный социальный университет,
г. Минск, Республика Беларусь».

ЧАСТНОПРАВОВЫЕ ОБЯЗАННОСТИ КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

Аннотация. В статье проводится описательно-критический обзор работ европейских, преимущественно немецких (конца 19 — начала 20 вв.), и российских дореволюционных правоведов, в которых упоминается проблема юридических обязанностей вообще и гражданско-правовых, в частности. Отмечая отдельные содержательные и методологические достижения, автор вместе с тем на основании систематического изложения соответствующих научных знаний приходит к выводу об отсутствии предпосылок для утверждения о стапвлении учения об обязанностях в указанный период развития теоретической юриспруденции и цивилистики.

Ключевые слова: юридическая обязанность, субъективное право, правоотношение, юридический позитивизм, естественное право.

Постановка проблемы. Поскольку анализ категориального ряда юриспруденции традиционно является одним из наиболее приоритетных направлений ее теоретической части, с одной стороны, а в правоотношении как одной из центральных категорий общетеоретической и цивилистической науки, с какой бы методологической позиции оно не рассматривалось, всегда в качестве элемента выделяется юридическая обязанность, с другой, таковая так или иначе должна была привлекать внимание научной общественности. Однако представители как дореволюционной, так и современной цивилистики не без оснований относят юридические обязанности в целом и частнопровые, в частности, к мало исследованным научным категориям [7, с. 116; 16, с. 285; 2, с. 412].

Точности ради, заметим, что основанием для таких выводов является не объем научного внимания, а скорее, узкий подход в постановке самой проблемы и содержание конечных результатов ее решения. В этой связи считаем целесообразным изложить хронологию научной разработки проблемы юридических обязанностей. Наличествующая литература состоит из нескольких частей: 1) иностранная, преимущественно немецкая, конца XIX — начала XX вв.; 2) русская дореволюционная литература по общей теории права; 3) русская дореволюционная литература по гражданскому праву; 4) работы советского периода развития цивилистики, общетеоретической науки и науки конституционного права; 5) работы современных представи-

телей перечисленных областей юридического знания. Цель настоящей статьи состоит в систематизации и анализе источников, образующих первых три подразделения.

Анализ иностранной литературы. Поскольку в отличие от римских юристов, усматривавших характерную особенность юридических отношений в связности их объективным правом, западноевропейские юристы, начиная уже с глоссаторов, придавали особенное, главное значение активной стороне отношения, противоприязанию [11, 141], в частности Г. Дерпбург прямо указывал, что «права в субъективном смысле существовали в истории гораздо раньше, чем сознательный государственный порядок» [8, с. 100], постольку в рамках классической пандектики обязанности упоминались лишь как средство обеспечения субъективных прав и самостоятельному анализу практически не подвергались. Представители пандектного права — авторы учебников и курсов XIX — начала XX вв., характеризуя в отрывочных замечаниях обязанность как обратную сторону субъективного права [17, с. 38], более подробно останавливались только на двух по сути взаимосвязанных вопросах: 1) право предшествует обязанности или, наоборот, обязанность проистекает из права; 2) всякой ли обязанности противопоставляется субъективное право.

Изложение основного материала. Объяснение вопроса о первоначальном значении права или обязанности можно свести к трем вариантам. По мнению, например, Б. Видштейда, «обязанности проистекают из прав» [4, с. 87], «право есть логически предшествующее, обязанность — последу-

ющее» — утверждал К. Биндинг [30, с. 108]. Р. фон Иеринг, по всей видимости, склонялся к выводу о производном характере субъективного права по отношению к юридической обязанности, указывая на случаи пассивного действия права в правоотношении, например, в ситуации существования обязанности должника по утраченной бумаге на предъявителя, т.е. отсутствия (неизвестности) посетителя субъективного права [32, с. 327].

А. Меркель, считавший спор по первому вопросу «пустым словопрением», поскольку «равным образом можно было бы спросить, что возникло ранее: углы в треугольнике или противоположные им стороны», сделал важное методологическое замечание об одновременном возникновении прав и обязанностей как элементов юридического отношения [12, с. 54].

Несколько иной подход демонстрировал Ф. Регельсбергер: «часто обязанность выступает как следствие права, но встречается также и то, что право является следствием обязанности и последняя образует центр тяжести: например, обязанность доставлять содержание (алименты)...» [17, с. 40]. В числе содержательных достижений Ф. Регельсбергера следует назвать признание возможности существования юридической обязанности при временном отсутствии ее носителя, а также возможности субъективного права являться одновременно юридической обязанностью, например, право отца на воспитание детей, избирательное право граждан [17, с. 40-41].

В решении проблемы взаимосвязи субъективных прав и юридических обязанностей, т.е. в ответ на

второй поставленный вопрос, были предложены два основных подхода. Наибольшее распространение получила точка зрения о возможности существования юридической обязанности без соответствующего ей субъективного права: «... не каждой юридической обязанности соответствует субъективное право. ... Какому праву соответствует обязанность наследодателя упомянуть в завещании о необходимых наследниках?» [17, с. 39; 12, с. 54]. Противоположная, соответствующая философии Г.В.Ф. Гегеля, позиция основана на неразрывном сочетании обязанности и права: «нет обязанности без права, нет и права без обязанности» [32, с. 76].

По мере развития нормативистской теории права субъективное право и обязанность рассматриваются уже не как две стороны одного и того же правового отношения, а как проявление нормы объективного права, в связи с чем закономерно возникает вопрос об обязательности двойного «проявления нормы» в виде права и обязанности. В рамках теории солидаризма и социальных функций, как развидности теории нормативизма, появляется идея отрицания понятия субъективного права. Отстаивавший данную идею Л. Дюги предлагал устранить из юридической науки само «метафизическое априорное понятие «субъективное право» и заменить его понятием «юридическое положение», а также заменить права обязанностями: «в настоящее время ... возникает общество, — писал Л. Дюги, — откуда метафизическая концепция субъективного права изгнана и уступила место понятию объективного права, палагающего на каждого социальную обязанность исполнить некоторую

миссию и дающего власть совершить акты, необходимые для выполнения этой миссии. ... Лучше всего, устранив совершенно понятие о субъективном праве, говорить просто: субъективное юридическое положение, то есть положение социально обеспеченное и созданное сознательно волею индивида» [9, с. 8, 12].

Представитель правового этатизма Г. Кельзен, будучи сторонником существования обязанностей без прав, усматривал сущность нормы права в установлении правовой обязанности. В результате он приходит к выводу о том, что «правовая обязанность есть ... гораздо важнее, даже первая (primare) начальная и существующая субъективная форма проявления права <...>. Не может быть правовой нормы без правовой обязанности. Но не каждая правовая норма должна содержать субъективное право. <...> Будущее социалистическое государство может в своей антииндивидуалистической тенденции пойти так далеко, что обяжет всех субъектов и никого не уполномочит, но никогда и ни при каких обстоятельствах не будет мыслим правопорядок без обязанностей» [33, с. 311-312].

Исходя из предложенного А. Топом понимания права как совокупности императивов [21, с. 197], совершенно отрицает субъективное право Э. Пфферше [34, с. 28]. «Имеются только обязанности, и нет никаких прав», — таковым было мнение Дюнкерта [25, с. 600].

Ю. Биндер отрицал существование в целом правовых обязанностей, поскольку, по его мнению, правовые веления обращены не к народу, а только к судебным и исполнительным органам [29, с. 3-15].

Решение первостепенного, но, как отмечалось выше, не получившего достаточного освещения вопроса о сущности правовых обязанностей сводилось также как и у представителей этики и философии к отождествлению правовых обязанностей с: внешним принуждением, подчиняющим сопротивляющихся [31, с. 80]; выражением воли лица, к которому обращена норма [28, с. 46]; нравственной обязанностью. Так, по мнению немецкого юриста Шлосмана, «человек обязан исполнять возлагаемое на него поручением закона или обычая, потому что он нравственно обязан подчиняться правовому порядку» [25, с. 619].

Описательно-критический обзор российских дореволюционных исследований. «Прогерманская направленность» дореволюционной российской науки гражданского права предопределила восприятие основных ориентиров формирования научных знаний о юридических обязанностях, выработанных германскими юристами. Для указанного периода развития цивилистики характерным является также второстепенное внимание на проблему юридических обязанностей вообще, и частноправовых обязанностей, в особенности.

Автор русскоязычного конспекта лекций по римскому праву В.М. Хвостов изложил ранее выработанные, уже приводившиеся нами положения германских авторов об отсутствии обратной связи между правом и обязанностью, о возможности «пребывания» обязанности в безсубъектном состоянии и о возможности слияния субъективного права и юридической обязанности [24, с. 45-46].

В работах по русскому гражданскому праву специальный вопрос о

юридических обязанностях попросту не поднимался. Встречающиеся скорее в виде исключения краткие замечания сводились к тому, что субъективному гражданскому праву всегда соответствует обязанность, и что между указанными понятиями существует взаимная связь [3, с. 97; 27, с. 40].

Многие правовые категории, в том числе и категория правоотношения, получили свое развитие именно на почве науки гражданского права, как наиболее развитой к началу XX в., однако применительно к проблеме юридических обязанностей сферой научного поиска выступила общая теория права. Вероятно причинами тому послужили диспозитивный характер гражданского права с признанием ключевой роли за субъективным правом, с одной стороны, и общетеоретический, преимущественно философский, характер проблемы взаимосвязи прав и обязанностей, поднимаемой практически всеми авторами работ по основам, энциклопедии, теории и философии права. При этом условно можно выделить два подхода: 1) указание на юридическую обязанность как на необходимый элемент правоотношения, но при определении структуры учения о самом правоотношении места для учения о юридических обязанностях не находится (А. Рождественский прямым указанием исключает обязанности из состава учения о правоотношении [19, с. 93], Е.Н. Трубецкой, приравняв к рассмотрению вопрос «Элементы правоотношения. Права и обязанности», на самих обязанностях не останавливается [22, с. 157]); 2) попытка подобно западным исследователям найти ответы на вопросы о том, какое правовое средство — право или обязанность

— имеет первоначальное значение, и могут ли эти явления существовать в раздельности. В рамках второго подхода, в свою очередь, сформировались следующие воззрения.

Представители юридического позитивизма В.М. Хвостов, Г.Ф. Шершепевич, Н.К. Решенкамф придерживались позиции, согласно которой соответствие всякому субъективному праву юридической обязанности не означает соответствие любой обязанности чьего-либо субъективного права [23, с. 181, 25, с. 619; 18, с. 135].

В.Ф. Тараповский, А. Рождественский рассматривая субъективные права и юридические обязанности в качестве коррелятивных элементов юридического отношения, полагали их раздельное существование невозможным [20, с. 130; 19, с. 93].

Основное значение за субъективным правом признавали представители «возрожденного естественного права» И.В. Михайловский, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский [13, с. 449–450; 15, с. 296; 10, с. 562]. Соответственно обязанность рассматривалась ими как следствие права.

Представитель социологического направления в общей теории права Н.М. Коркунов, опираясь на частноправовые примеры существования правообязанности без соответствующего ей субъективного права (в отличие от невозможности существования прав без обязанностей), а также на специфику публично-правовых отношений, приходит к заключению о том, что «в юридических отношениях <...> основное значение имеет пассивная сторона, обязанность, связь» [11, с. 141].

Производный характер субъективного права в соответствии с со-

циологической доктриной отмечал и С.А. Муромцев в работе «Основы гражданского права», посвященной философско-социологическому анализу предпосылок возникновения права. Приведя цитату из работы немецкого философа-идеалиста В. Виндельбанда о том, что «мое право состоит в том, что другие имеют обязанности по отношению ко мне; <...> право всегда вытекает из обязанности», С.А. Муромцев далее дает собственный ответ на два дискутируемых в литературе того периода вопроса: «мыслить право без обязанностей, в которых оно коренится, представляется психологической невозможностью. Но и обратно: <...> вообще немислима обязанность, которой не соответствовало бы ничье право» [14, с. 84-85].

Исходя из различных методологических предпосылок, историк права В.Ф. Тараповский и цивилист Ю.С. Гамбаров отрицали саму постановку вопроса о приоритете субъективного права или юридической обязанности. По мнению Ю.С. Гамбарова, «из необходимой связи понятий объективного и субъективного права не следует, однако, выводить ни исторического приоритета одного из этих понятий перед другим, ни возможности свести все право либо к праву в субъективном, либо к праву в объективном смысле» [5, с. 187]. Разделявший, как отмечалось выше, точку зрения о невозможности раздельного существования прав и обязанностей В.Ф. Тараповский, соответственно, полагал, что «раз юридическое отношение обозначает связь двух лиц, между которыми распределены обязанность и право, то в пределах построения юридического отношения не может быть речи о приоритете двух

его коррелятивных составных частей. Подобный вопрос может быть возбужден разве лишь тогда, когда мы выйдем за пределы юридического отношения и посмотрим на него со стороны, — с точки зрения социальной и моральной» [20, с. 132].

Что же касается ключевого по своему значению вопроса о сущности юридических обязанностей, то представители науки гражданского права и большинство теоретиков предпочитали его не затрагивать вовсе. Лишь в виде исключения отдельные авторы излагают свои представления о правовой природе обязанностей.

Предваряя свое определение общим замечанием о том, что «всякое жизненное отношение выражается в известном поведении заинтересованных лиц», Д.Д. Гримм вслед за философами отождествляет обязанности с поведением и определяет их как «конкретные отношения, поскольку они подходят под абстрактный тип, предписывающий или возбраняющий известного рода деятельность». <...> Будем ли мы называть их (жизненные отношения — прим. автора) правами или обязанностями, они остаются и в том и в другом случае тем, чем были, — конкретными жизненными отношениями» [7, с. 122-124].

В соответствии со своей психологической теорией права как явления индивидуальной психики, т.е. особых императивно-атрибутивных эмоций, Л.И. Петражицкий сформулировал учение о природе обязанностей как эмоциональных фантазм: «правствен-

ные и правовые обязанности суть эмоциональные проекции; <...> соответствующие реальные феномены действительно существуют не там, где они кажутся существующими, как какие-то «принадлежности субъектов», а в психике переживающего подлежащие эмоционально-интеллектуальные процессы и проекции» [16, с. 305-306]. Из авторского обоснования различия между нравственными и правовыми обязанностями¹ очевидно, что основу осознания обязанности составляет субъективное чувство связанности. Не взирая на субъективный характер общих предпосылок названной теории, в заслугу Л.И. Петражицкому следует поставить указание на тот факт, что «регулирование житейских отношений состоит в том и только в том, что юристы называют установлением прав и обязанностей» [16, с. 284].

Очень близок к психологической концепции взгляд на обязанность как чувство связанности в своих поступках, высказанный С.А. Муромцевым. «Обязанность не есть что-либо отдельное от нормы, — писал он, — это есть не более как психическая форма, в которой норма переживается в личном сознании» [14, с. 82].

В работе «Определение понятия о праве» 1896 г. последовательный позитивист Г.Ф. Шершеневич высказал взгляд на юридическую обязанность как на необходимость подчинения, т.е. необходимость определенного поведения, во избежание реализации угрозы: «в силу фактической зави-

¹ «Такие обязанности, которые осознаются свободными по отношению к другим, по которым другим ничего не принадлежит, не причитается со стороны обязанных, мы назовем нравственными обязанностями. Такие обязанности, которые сознаются несвободными по отношению к другим, закрепленными за другими, по которым то, к чему обязана одна сторона, причитается другой стороне как нечто ей должное, мы будем называть правовыми или юридическими обязанностями» [16, с. 58].

симости, в которой находятся лица, к которым обращаются нормы, они «обязываются» к выполнению их. <...> Всякому повелению, если оно таково по существу, а не по форме только, всегда соответствует обязанность, и наоборот, нет обязанности без соответствующего повеления, сопровождаемого угрозой зла» [26, с. 293].

В работе «Общая теория права» 1912 г. на вопрос «Что такое правовая обязанность?» Г.Ф. Шершеневич дает следующий ответ: «это, прежде всего, сознание связанности своей воли. Человек вынуждается соотносить свое поведение с предъявленными к нему извне требованиями. Следовательно, в основе правовой обязанности, как и субъективного права, лежит воля, — воля пассивного субъекта» [25, с. 619]. Как видим, не взирая на уже имевшуюся к этому времени критику основных недостатков волевой теории субъективного права, кстати, эти недостатки отмечаются самим автором несколькими страницами ранее (речь, например, идет о том, что если воля составляет сущность субъективного права, то каким образом субъектами прав признаются лица, не имеющие воли в юридическом смысле (несовершеннолетние, недееспособные)), Г.Ф. Шершеневич использует понятие воли в объяснении сути юридической обязанности.

Психологический феномен воли приобретает решающее значение и в концепции Л.И. Петражицкого, ведь именно воля (психика) объявляется им сферой существования обязанностей и всех правовых явлений в целом.

Заслуживает быть упомянутым отдельно взгляд, изложенный в работе Н.Н. Алексеева, вышедшей в 1919 г.,

но по содержанию соответствующей дореволюционной правовой традиции. Указав на отсутствие каких-либо оснований для представления юридических обязанностей по образу обязанностей правдивших, всегда связанных с внутренней, духовной жизнью человеческой личности, ученый не просто отождествляет обязанности с простым исполнением, т.е. действием, а объявляет их объектом правоотношений в духе уже ставившейся к тому времени предметом критики концепции Е.Р. Бирлиппа, согласно которой «объектом права или объектом юридического отношения в строгом смысле следует считать поведение обязанного лица» [28, с. 239].

Свою позицию Н.Н. Алексеев объясняет следующим образом: если действия физических лиц, являющиеся объектом права, могут быть названы юридическими обязанностями, с одной стороны, а применительно к действиям, «если можно так выразиться, тех субъектов права, которые не суть лица физические» (наследственное имущество, наследники которого не установлены, юридические лица и коллективы, не способные к действиям), правильнее говорить о долгах и обязанностях, лежащих на правовых субъектах, с другой, то «объектом права, таким образом, могут быть все обязанности, лежащие на правовых субъектах, будь то «действия» физических лиц, будь то «долги» лиц юридических и других субъектов права» [1, с. 146-147].

Полагаем целесообразным завершить обзор дореволюционных источников по проблемам юридических обязанностей указанием на монографию Л.Л. Гервагепа «Обязанности как основание права». Не взирая на на-

именование, в котором, заметим, отмечается обеспечительный характер обязанности, данная монография не может претендовать на роль специальной теоретической работы по рассматриваемой проблематике, поскольку ее содержание значительно шире и подобно курсам философии права того периода включает как теоретические основы положительного права, так и вопросы о том, каким должно быть право с точки зрения различных идеальных критериев. Взглядам автора непосредственно на обязанности посвящены с. 81–94, на которых выдвигается и обосновывается тезис о том, что правовая обязанность (как и субъективное право) имеет характер правового, субъективного *состояния* человека, формирующегося под угрозой применения неблагоприятных последствий [6, с. 82, 86]. Здесь же Л.Л. Герваген высказывает оригинальную мысль о том, что состояние, в котором субъекту предписано действовать определенным образом, именуется долгом, а для обозначения состояния, в котором субъекту запрещено определенное поведение, термин отсутствует, что объясняется целесообразностью для лица, нарушившего запрет, ссылаться на соответствующую запрещающую норму.

Выводы. Систематическое изложение европейской и дореволюционной юридической литературы не позволяет констатировать станов-

ление учения о юридических обязанностях вообще и частноправовых в особенности. Говоря словами Ю.С. Гамбарова, главное содержание гражданского права составляла именно теория субъективных прав [5, с. 187]. Результаты общетеоретических разработок, в свою очередь, были предопределены узким кругом вопросов, преимущественно связанных с проблемой соотношения субъективного и объективного права, и формировались не без влияния философского изучения права, научной психологии и социологии. Соответственно, при определении природы юридических обязанностей либо использовались совершенно различные признаки, либо тождественные, но в различных вариациях, либо один и тот же автор в двух разных работах опирался на противоположные элементы.

Заслуги, которые, с точки зрения содержательной, можно поставить в актив немецкой научной юриспруденции рассматриваемого периода, включают указание на: отсутствие обратной связи между правом и обязанностью, возможность существования юридической обязанности при временном отсутствии ее носителя; возможность совпадения субъективного права и юридической обязанности. Российским дореволюционным исследователям удалось лишь продвинуть изучение юридических обязанностей, но не придать ему качественное развитие.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Алексеев Н.Н. Общее учение о праве (курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918–1919 гг.) / Н.Н. Алексеев. — Симферополь : Тип. Е.К. Бешко-Брешковской, 1919. — 160 с.
2. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право : учебник / В.А. Белов. — М. : Юрайт, 2011. — 521 с.
3. Васьковский Е.В. Учебник гражданского права. Вып. 1 Введение и общая часть / Е.В. Васьковский. — СПб. : Изд. юрид. книжного магазина Н.К. Мартынова, 1894. — 371 с.

4. Виндшейд Б. Учебник пандектного права. Т. 1. Общая часть / Б. Виндшейд ; пер. с нем. И.Г. Табашникова под ред. С.В. Пахмана. — СПб. : Изд. А. Гиероглифова и И. Никифорова, 1874. — 358 с.
5. Гамбаров Ю.С. Гражданское право. Общая часть / Ю.С. Гамбаров. — М. : Зерцало, 2003. — 816 с.
6. Герваген Л.Л. Обязанности как основание права / Л.Л. Герваген. — СПб. : Тип. А.Ф. Штельценбурга, 1908. — 208 с.
7. Гримм Д.Д. Курс римского права / Д.Д. Гримм. — СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1904. — Том 1. Вып. 1. Введение. Учение об основных правовых понятиях. — 168 с.
8. Дернбург Г. Пандекты. Общая часть. Том 1. / Г. Дернбург ; пер. с нем. Г. фон Рехенбехерга под рук. и ред. П. Соколовского. — М. : Университетская тип., 1906. — 182 с.
9. Дюги Л. Общество. Личность. Государство. Социальное право. Индивидуальное право. Преобразование государства / Л. Дюги ; пер. с фр. Ал. Либензона. — СПб. : Изд. Юрид. книжного магазина Н.К. Мартынова, 1909. — 83 с.
10. Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское) : Лекции Б.А. Кистяковского, читанные в Московском коммерческом институте в 1908/1909 академическом году / Б.А. Кистяковский. — СПб. : РХГИ, 1999. — 800 с.
11. Коркунов П.М. Лекции по общей теории права / П.М. Коркунов. — 4-е изд. — СПб. : Изд. юрид. книжного магазина Н.К. Мартынова, 1897. — 364 с.
12. Меркель А. Юридическая энциклопедия / А. Меркель ; пер. с нем. Ф.К. Зеделя под ред. В.М. Грибовского. — СПб. : Изд. юрид. книжного магазина Н.К. Мартынова, 1902. — 256 с.
13. Михайловский И.В. Очерки философии права : в 3 т. / И.В. Михайловский. — Томск : Изд. книжного магазина В.М. Посохина, 1914. — Т. 1. — 632 с.
14. Муромцев С.А. Основы гражданского права / С.А. Муромцев. — М. : Тип. Общества распространения полезных книг, 1908. — 102 с.
15. Новгородцев П.И. Сочинения / П.И. Новгородцев. — Сост., вступ. ст. и прим. М.А. Колерова, Н.С. Плотнокова. — М. : Раритет, 1995. — 448 с.
16. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л.И. Петражицкий. — СПб. : Изд-во «Лань», 2000. — 608 с.
17. Регельсбергер Ф. Общее учение о праве / Ф. Регельсбергер ; пер. с нем. И.А. Базанова ; под ред. Ю.С. Гамбарова. — М. : Т-во И.Д. Сытина, 1897. — 296 с.
18. Реппенкамф Н.К. Очерки юридической энциклопедии : в 2 ч. / Н.К. Реппенкамф. — изд. 2-е испр. и доп. — М. : Изд. П.Я. Оглоблина, 1880. — Часть 1. — 158 с.
19. Рождественский А. Основы общей теории права / А. Рождественский. — М. : Изд. В.С. Спиридонов, 1912. — 157 с.
20. Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права / Ф.В. Тарановский. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1917. — 534 с.
21. Тон А. Правовая норма и субъективное право. Исследования по общей теории права. Часть первая / А. Тон // Вестник гражданского права. — 2010. — Том 10. — № 4. — С. 192-241.
22. Трубенкой Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубенкой. — М. : Тип. «Русский труд», 1907. — 23 с.
23. Хвостов В.М. Общая теория права. Элементарный очерк / В.М. Хвостов. — М. : Университетская тип., 1905. — 19 с.
24. Хвостов В.М. Система римского права. Общая часть : конспект лекций / В.М. Хвостов; ред. А.Э. Вормс. — 4-е изд. — М. : Тип. Вильде, 1908. — 476 с.
25. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Вып. 3 / Г.Ф. Шершеневич. — М. : Изд. Бр. Башмаковых, 1912. — 718 с.
26. Шершеневич Г.Ф. Определение понятия о праве / Г.Ф. Шершеневич // Ученые записки Казанского университета. — 1896. — № 4. — С. 271-294.
27. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. По изданию 1907 г. / Г.Ф. Шершеневич. — М. : Спарк, 1995. — 556 с.
28. Bierling E.R. Juristische Prinzipienlehre / E.R. Bierling. — Freiburg; Leipzig; Tübingen : Verlag von J.C.B. Mohr (Paul Siebeck), 1898. — 367 s.
29. Binder J. Rechtsnorm und Rechtspflicht / J. Binder. — Leipzig : Deichert, 1912. — 212 s.

30. Binding K. Die Normen und ihre Ubertretung. Erster Band, erste Abtheilung / K. Binding. — Leipzig : Verl., 1872. — 233 s.
31. Fernek von Hold. Die Rechtswidrigkeit. Eine Untersuchung zu den allgemeinen Lehren des Strafrechtes / Hold von Fernek. — Iena, 1905. — 184 s.
32. Ihering R. von. Geist des romanischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung / R. von Ihering. — Leipzig : Druck und Verlag von Breitkopf und Hartel, 1877. — 366 s.
33. Kelsen H. Hauptprobleme der Srtaatrechtslehre : entwickelt aus der Lehre vom Rechtssatze / H. Kelsen. — 2. Aufl., photomechanisch gedruckte, um eine Vorrede vermehrte. — Tubingen : J.C.B. Mohr, 1923. — 709 s.
34. Pfersche E. Methodik der Privatrechtswissenschaft / E. Pfersche. — Graz : Verl. von Leschner & Lubensky, 1881. — 85 s.

Вабіщевич С.С.

Приватноправові обов'язки як об'єкт наукового аналізу.

Анотація. У статті проводиться описово-критичний огляд робіт європейських, переважно німецьких (кінець 19 — початку 20 ст.), та російських дореволюційних правників, в яких згадується проблема юридичних обов'язків взагалі та цивільно-правових зокрема. Відзначаючи окремі змістовні та методологічні досягнення, автор разом з тим на підставі систематичного викладення відповідних наукових знань приходить до висновку про відсутність передумов для утвердження вчення про обов'язки у вказаний період розвитку теоретичної юриспруденції та цивілістики.

Ключові слова: юридичний обов'язок, суб'єктивне право, правовідношення, юридичний позитивізм, природне право.

Vabishchevych S.S.

Private legal obligations as an object of scientific analysis.

Summary. In this article the critical review of works European, mainly German (the end 19 — the beginnings 20 centuries), and the Russian pre-revolutionary jurists in whom the problem of legal duties in general and civil-law is mentioned, in particular is spent. Marking separate substantial and methodological achievements, the author at the same time on the basis of a regular statement of corresponding scientific knowledge comes to conclusion about absence of preconditions for the statement about doctrine formation about duties during the specified period of development of theoretical jurisprudence and civil law.

Keywords: a legal duty, the subjective right, a legal relations, the legal positivism, the natural right.

